

Боевой опыт русской армии:
страницы истории военной археографии
конца XIX – первой половины XX в.
Ч. 2. 1920-е годы

Серия статей посвящена проблемам организации военно-исторической службы русской армии и использования боевого опыта Российской империи периода Первой мировой войны в начале – середине XX в., а также судьбам археографических проектов, связанных с публикацией военных документов. Основное внимание уделено деятельности и изданиям военно-исторических комиссий Главного (затем Генерального) штаба империи, в советский период – Всероссийского Главного штаба РККА. Прослеживаются судьбы военных редакторов и готовившихся ими изданий военных документов, прежде всего, по истории Первой мировой войны. Особый акцент сделан на проблемах организации работы и вопросах археографии и источниковедения военной истории, связанных с изучением истории «Великой войны».

Ключевые слова: военная археография, Первая мировая война, источниковедение военной истории.

Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (ВИК – Военно-историческая комиссия) при Всероглавштабе, после реорганизации в ноябре 1918 г., продолжила работу под руководством генерал-майора Александра Андреевича Свечина (в царской армии являлся командиром дивизии; 1878 – июль 1938).

Но уже с 15 августа 1918 г. к работе в ВИК приступила редколлегия, назначенная приказом Наркомвоендела № 688 от 13 августа. Первый начальник Комиссии, генерал В.Н. Клембовский

(1860 – июль 1921), хотя и перешел на сторону Красной армии, был сторонником другой политической силы, и его временный маневр в сторону большевиков по определению не мог закончиться удачей. Именно это обстоятельство способствовало тому, что Свечин (в тот краткий момент – начальник Всероглавштаба) начал активно подключаться к будущей работе. К тому же после его жестких столкновений с главнокомандующим вооруженных сил РСФСР И.И. Вацетисом генерала, склонного к теоретической и штабной работе, нарком Л.Д. Троцкий решает целиком подключить к исследованию опыта минувшей войны.

Основные идеи генерала воплотились первоначально в его совместной с начальником оперативного управления Кузнецовым служебной записке (еще до начала активной работы в ВИК) от 3 сентября 1918 г. Здесь Свечин говорит о необходимости подбора наиболее квалифицированных авторов, хотя их имена сегодня почти ничего не говорят читателям – по причине последующих репрессий прежде всего (судьба самого руководителя комиссии оказалась близка к рядовым сотрудникам). От генералов и полковников бывшей армии требовалось знать «все литературные труды, которые появились уже к настоящему времени или будут появляться – как на русском, так и на иностранном языке», активно использовать формировавшийся архив Первой мировой войны. По собственному убеждению генерала, основанному на широком знакомстве с историей войн, быстрое использование их опыта способствует появлению военной литературы, а умолчание – забвению. За этим стояла цель – «сформировать армию и внести в нее новые приемы и понятия о военном искусстве новейшего времени, т. е. сделать ее боеспособной»¹.

Война Гражданская шла буквально рядом с изучением опыта той, из которой выросла. Отчасти это способствовало идее издавать две серии трудов ВИК: стратегические очерки по каждому из 7 периодов войны – в виде отдельных брошюр объемом в 8–10 печатных листов, и очерки боевых действий по отдельным фронтам, которые не должны были превышать 5 печатных листов каждый (тогда печатный лист равнялся 64 тыс. знаков). Но главной задачей Свечин считал подготовку стратегического очерка войны и исследование наиболее «поучительных стратегических и тактических операций». При этом он дает свою периодизацию событий, выделив 7 основных этапов ведения боевых действий, существенно отличавшихся друг от друга по своим задачам². В весьма подробной инструкции по созданию будущей «официальной истории» войны (осень 1918 г.) генерал предполагает поручить коллективу

во главе с семью ответственными редакторами составление общего стратегического очерка определенного этапа войны, «не выпуская из рук общего очерка»³. Эту громадную работу А.А. Свечин предполагал завершить за 3–4 месяца, не считая составления карт, однако, даже несмотря на максимально форсированный темп, закончить составление «локальных очерков» за это время не удалось. Зато более четко вырисовывался план, в соответствии с которым ежемесячные выпуски предполагалось создавать объемом около 30 а. л. каждый, тиражом до 500 экз. Но даже несмотря на довольно значительный творческий коллектив (в соответствии с приказом по Всероглавному штабу № 355 временный штат Комиссии на 10 декабря 1918 г. составлял 51 человек), работа длилась почти до середины 1920-х гг.

Одновременно Свечин предпринимает ряд организационных усилий: в соответствии с приказом Наркомвоендела № 775 при Комиссии создается морской отдел. Среди командного состава Красной армии распространяется анкета «о практическом использовании опыта войны 1914–1918 гг.», где, в частности, требовалось дать оценку управлению войсками: в бою, службе Генштаба, охарактеризовать службу связи, современный бой, существовавшую связь между родами оружия, боевое использование местности, подготовку и ведение пешей и конной разведки и т. п. Одновременно составляется «Инструкция по сдаче материалов о текущей войне в Военно-ученый архив», который тогда располагался в Москве в Староконюшенном пер., 1. Здесь давался примерный перечень документов и материалов, которые подлежали сдаче, образец оформления описи. Генерал прекрасно сознавал, что оперативная подготовка истории войны позволит почти в прямом смысле слова «не утонуть» в архивных делах, которых только к началу июля 1918 г. накопилось уже почти 1 млн.

Самым удивительным в истории этой Комиссии было то, что ей удалось получить финансирование, и оно не было мизерным, хотя девальвация рубля сыграла свою роль. Если в конце декабря 1918 г. фактически Комиссия получала за два последних месяца года 883 235 тыс. руб., то поступивший в начале января 1919 г. аванс составил 630 300 руб., причем за труд «творческих работников» причиталось 266 400 руб., а на оборудование 40 комнат (первоначально на Пречистенке, 14) – 150 000 руб. Но за первое полугодие 1919 г. Комиссии причиталось уже 1 894 890 руб.⁴ Интересно, что за все время работы никаких претензий материального характера от военно-исторической службы к ней не предъявлялось.

Судя по результатам деятельности, ВИК в значительной степени выполнила свою задачу, подготовив в общей сложности более 50 работ, из которых почти 40 относилось к Первой мировой войне, а остальные – к истории войны Гражданской. Ее работы публиковались фактически на протяжении всех 20-х годов⁵, но наиболее ценным и концентрированным их выражением стал созданный самим генералом А.А. Свечиным «Стратегический очерк войны 1914–1918»⁶, и сегодня являющийся классикой военного искусства, и не только по отношению к войнам начала XX века. Здесь впервые на основе анализа значительного количества материалов была дана общая картина боевых действий на Русском (Восточном) фронте в сухопутных частях. Это глубокое исследование позволило Александру Андреевичу сделать важнейший вывод построения стратегии военных действий, сохраняющий свое значение: ведение войны «на измор», навязывая противнику, значительно превосходящему силой и выигравшему время и пространство, крупные перегруппировки, длительные марши. К сожалению, эти выводы генерала впоследствии начали оспариваться сторонником «блицкрига» М.Н. Тухачевским и его соратниками и были подтверждены лишь в результате упорных боев под Сталинградом во время Великой Отечественной войны⁷.

В 1921 г. ВИК была переподчинена – из ведения Всероглаштаба она перешла под руководство Политуправления РККА, но первоначально реформа не затронула ее деятельность. Однако в 1923 г. А.А. Свечина сменил на посту председателя ВИК В.А. Антонов-Овсеенко и деятельность в области изучения военного опыта была на время свернута.

Затем военно-историческая служба была передана в Штаб РККА, по-прежнему имея задачей исследование и использование опыта войны путем публикации трудов и документов. В разные годы (а существовала она с перерывами до 1972 г.) Комиссия называлась Военно-исторической, Историческим отделением, Военно-историческим отделом, Научным военно-историческим отделом, пока не стала безликим 9-м (позднее 10-м) отделом ГШ РККА⁸. В сложный период 1929–1932 гг. отдел почти перестал существовать⁹: по «делу Национального центра» был арестован целый ряд важных сотрудников, в том числе и А.А. Свечин.

Но именно к этому времени относится начало подготовки военно-исторической службой Генерального штаба фактически единственного на сегодняшний день, неполного по охвату проблематики и материалов многотомного документального издания «Сборник документов мировой войны на русском фронте». Название

было дано маршалом Борисом Михайловичем Шапошниковым (1882–1945) и сохранилось даже после его опалы. История подготовки этого собрания документов сполна отражает борьбу в самых высших эшелонах военной власти, исторической науки и судьбы русских военных историков. После ареста, хотя и кратковременно, Свечина, на свободе оставались его бывшие сподвижники, среди которых необходимо назвать генерал-майора Евгения Захаровича Барсукова (1866 – январь 1957), с 1924 г. состоявшего «для особых поручений» при военно-исторической службе; также генерал-майора Павла Павловича Сытина (1870 – август 1938), сотрудника военно-исторической службы РККА, а после 1927 г. сотрудника архива Красной армии. Именно их энергии военная наука обязана появлением концепции и самой идеи издания собрания подлинных документов по истории Первой мировой войны.

В докладной записке от 29 ноября 1929 г. вновь назначенному начальнику Штаба РККА генералу А.И. Егорову¹⁰ Е.З. Барсуков, в частности, писал:

Первоначально работа по составлению сборника сосредотачивалась при военной секции Комакадемии, с 1929 г. Весной 1930 г. это предположение отпало и составление сборника было возложено на Штаб РККА под непосредственным руководством начальника Штаба Б.М. Шапошникова, так как по постановлению РВС издание сборника имело в виду научно-историческое обоснование для оперативно-тактической деятельности РККА, для военно-технической и военно-экономической и военно-политической подготовки обороны СССР. Комакадемия в разрешении этих вопросов непосредственно не заинтересована и относительно далеко стоит от жизни РККА. Составленный ею сборник, несомненно, отличался бы строго марксистской академичностью, но мог бы не совсем отвечать жизненным запросам РККА и требованиям обороны нашего Союза. Напротив, «Сборник» отвечал бы запросам и требованиям при условии составления его по заданиям РВС под высшим руководством начальника Штаба РККА как ответственного за оборону СССР, и согласования окончательной военно-политической редакции всего «Сборника» с Комакадемией¹¹.

Исходя из того, что целый ряд докладных записок генерала продолжал оставаться без движения, а составлялись они регулярно на протяжении 1930–1931 гг., нетрудно предположить, что работа где-то серьезно тормозилась. (Одновременно с этим изданием обнаружилось и параллельное, планировавшееся В.Д. Бонч-Бруевичем в 9 томах.) Одним из самых активных противников выпуска этой

серии в действительности был М.Н. Тухачевский, давний критик генерала Свечина. Уже с конца 1920-х гг. Тухачевский предлагал передать составление «Сборника» Комакадемии, а «технику издания» поручить Центрархиву. Итак, пока разворачивались предварительные работы, шло формирование общих представлений и концепций, на поистине минное поле исследований вступили другие учреждения, существенно деформировав общий план практических работ.

* * *

Конец 1920-х гг. не только в СССР, но и за рубежом стал периодом крайнего обострения напряженности. В Европе рост военных расходов происходил почти лавинообразно. Так, к 1926 г. военные бюджеты Англии, Франции, Италии и США совокупно, по сравнению с 1913 г., увеличились на 80%, составив 3 трлн 500 млн руб. золотом, а количество военных заводов, в сравнении даже с 1923 г., увеличилось более чем в 2 раза¹². Целая серия международных провокаций по отношению к Советскому Союзу в Великобритании, Китае, ответных угроз со стороны СССР дали толчок не только к форсированной индустриализации в нашей стране, но и к экстренной разработке предшествующей первому пятилетнему плану пятилетке военной¹³. Подобные сдвиги в политической сфере не могли оставаться без ответа в области военно-исторической, которая в межвоенный период имела явный идеологический привкус. Именно здесь одну из ведущих ролей была призвана сыграть Коммунистическая академия, ее Военная секция.

Определенные предпосылки для этого появились еще в годы Гражданской войны, когда в 1919–1920 гг. недавно образовавшаяся Социалистическая академия общественных наук (с 1924 г. – Коммунистическая академия) пыталась подключаться к деятельности по изданию материалов Великой войны. Так, еще 6 октября 1918 г. в ее составе была организована специальная комиссия по публикации источников, куда вошли И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Волгин, А.А. Богданов и др. во главе с М.Н. Покровским. На общем собрании академии М.Н. Покровский поставил вопрос о публикации материалов Первой мировой, однако на протяжении ближайших десяти лет лишь обсуждался вопрос об организации секции, название которой постоянно менялось: Военная секция, Секция истории войн и революций, Секция истории войн и вооруженных восстаний. Вероятнее всего, на тот момент создание секции только декларировалось (это было в стиле работы Комакадемии), но организационных шагов не предпринималось, основная часть сотруд-

ников работала вне штата. Столь же неопределен был и профиль ее деятельности: история Первой мировой войны, история Гражданской войны, либо изучение обоих, и т. п. Вместе с тем вопросы, которые гипотетически ставились на заседаниях президиума Комакадемии и касались проблематики Военной секции, были весьма злободневны: экономика войны, военная психология (психотехника, психогигиена, как тогда говорилось), история Первой мировой войны на различных этапах.

Оживление деятельности, связанной с историей войн России начала XX в. в целом в Комакадемии пришлось именно на то время, когда существование военно-исторической службы РККА находилось под вопросом. Это и было использовано Комакадемией, чтобы начать деятельную борьбу за свой «кусочек» исследований (а значит, и финансирования).

Если армейских стратегов интересовали сугубо практические вопросы – в свете будущих военных столкновений, в которых никто не сомневался, то историки и обществоведы из Комакадемии стремились переквалифицировать их в русло классовой борьбы – тем более что и ситуация, на первый взгляд, подталкивала к этому.

Важнейшей идеей, на время существенно изменившей ситуацию, стала мысль А.М. Горького создать военно-историческую и классовую одновременно «Историю Гражданской войны». Совершенно очевидно, что ее лейтмотивом должна была стать политическая, межсословная борьба как таковая, развертывавшаяся на фоне войн мировой и гражданской. В сентябре 1930 г. Горький пишет первым лицам страны письмо, где настаивает, что «нужно сделать книгу, которая преследует цель социалистического воспитания массы, была бы интересна и увлекательна для малограмотного взрослого и для юноши. Этого трудно достичь, но это совершенно необходимо и должно быть достигнуто. Это – первый и крайне ответственный опыт: дать массе рабочих и крестьян яркую – широкую картину недавнего прошлого, в событиях которого непосредственно участвовали десятки тысяч будущих читателей этой книги. Со всей прямотой и суровостью подлинной истории нужно показать массе ее роль в “Гражданской войне”»¹⁴.

Если сюда добавить, что вопросы кадрового обеспечения нового издания должны были, по мысли писателя, решать военредакторы, которые назначались по решению Менжинского или Ягоды, то последствия такого подхода представляются очевидными, хотя в начале 1930-х гг. все выглядело более вариативно.

После образования Главной редакции «Истории Гражданской войны» вопрос создания истории этой страшной междоусобицы, как произведения литературного и идеологического одновременно, обретает осязаемые черты и в стенах Комакадемии, где к теме начинают присматриваться партийные историки. 16 марта 1929 г. на очередном заседании президиума Комакадемии отдельным пунктом 3 стоял вопрос «Об организации в Комакадемии военной секции», докладчиком был назначен ее руководитель А.С. Бубнов, совмещавший к тому периоду массу постов, в том числе наркома просвещения РСФСР. Не без его влияния в конце 1929 г. возникает вопрос об издании «Записок Военной секции», и вероятнее всего, эта тема несколько отвлекла академиков от вопроса издания материалов по истории Первой мировой войны. Действительно, в 1930 г. выходит первый том «Записок», на следующий год – еще три тома¹⁵. Тома 5 и 6, о содержании которых в материалах фонда Комакадемии идет речь, так и не появились. Содержание выпущенных томов показывает, что Комакадемию действительно мало волновали вопросы использования практического опыта «Великой войны», для нее они являлись скорее проблемой идеологического характера. Более того, о публикациях материалов речи вообще не шло.

К январю 1930 г. состав Военной секции был существенно расширен, помимо прежних членов туда вошли еще 15 человек, а вскоре был утвержден состав ленинградского отделения секции по изучению проблем войны. Среди ленинградских военных историков-партийцев видим Бочарова, Анулова, Барандохина, Баранцева, Алякрицкого, Нижечека, Семенова, Смирнова, Бирюкова и некоторых др.¹⁶ Осенью 1930 г. в структуре Комакадемии начинает функционировать Бюро исторической подсекции¹⁷, которое стремилось организовать работу по составлению «Истории Гражданской войны» согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и информировало о том, что по проблеме собирается библиография, схемы операций, списки деятелей, отличившихся частей, а также появляется идея (нереализованная) выпуска периодических сборников «Архив Гражданской войны».

Однако эти планы были слабо обеспечены кадрами, и даже тогда, когда они появились (к декабрю 1931 г. в секции числилось 153 человека, которых требовалось чем-то занять), их квалификация и владение предметом оставляли желать лучшего. По мнению того же Барсукова, ознакомившегося с постановкой дела в военно-исторической подсекции Комакадемии, занятой созданием истории Гражданской войны, без усиления ее научными и техническими сотрудниками она была просто не в состоянии выполнить

еще и огромный и ответственный труд по составлению «Сборника документов мировой войны».

Хотя материалы секции не дают никакого представления о ее собственном вкладе в разработку проблем истории Первой мировой войны, это не мешало, вероятно, ученому секретарю Вольпе сообщать о результатах работы секции на 1931 г.:

...Важность и серьезность работы по изучению и изданию истории мировой войны выдвинула перед исторической подсекцией необходимость создать для этого специальную комиссию... ее задача – разработка плана и программы и методологии исследования истории мировой войны. ...Работа координируется с деятельностью по этому вопросу Штабов РККА, Военной академии и Центрархива. Комиссия разработала основные методологические установки программы по истории мировой войны и приступила к разработке самой программы и группировке всего необходимого материала. На основе этой программы приступлено совместно со Штабом РККА к составлению сборников важнейших документов по мировой войне с соответствующими к ним комментариями по нижеприведенному плану: ...Том 1 – подготовка войны: оперативная работа главного управления Генерального штаба и округов; мобилизация и сосредоточение. Том 2 – операции 1914 г., наиболее полно. Том 3 – операции 1915 г., наиболее полно маневренный период. Том 4 – операции 1916 и 1917 года, позиционная война. Том 5 – разложение армии в 1917 г. и демобилизация; устройство тыла и изменения во время войны. Том 6 – военная техника, экономическая подготовка к войне, экономика в ходе самой войны, мобилизационная подготовка промышленности. Сейчас работа уже проводится в Центрархиве по отбору соответствующих документов¹⁸.

Однако отчеты о работе Военной секции свидетельствуют, что основной формой ее деятельности были доклады, выступления с лекциями, по большей части касавшимися истории Гражданской войны, – т. е. популяризация, а также подготовка монографий. Именно последнее и стало основным пунктом разногласий с военно-исторической комиссией РККА.

Но позиция М.Н. Тухачевского продолжала быть неизменной – историю Гражданской войны, объемлющей и события Первой мировой, должна писать Комкадемия. Концепции документальных серий свободно перемещались между Штабом РККА и Комкадемией. Настолько свободно, что очередная записка генерала Е.З. Барсукова на имя М.Н. Тухачевского от 19 ноября 1931 г. начинается покаянными признаниями:

После некоторого ознакомления со структурой Военной секции Коммунистической Академии я пришел к заключению, что мне не следовало касаться вопросов организации работы по составлению «Сборника документов гражданской войны», т. к. эта работа ведется в Военно-исторической подсекции Ком. Академии при ближайшем участии тов. Кадишева, хотя в несколько ином разрезе¹⁹.

На следующий день в новой докладной, которой, как полагал генерал, будет заменена его записка от 19 ноября, он пишет, что «поспешил», «поверхностно ознакомился», что нельзя было «вмешиваться в вопросы гражданской войны», что «согласен с Кадишевым» и т. д.

Но упорство генерала было серьезным, ибо касалось принципиальных вопросов. Прежде чем он был уволен из рядов РККА в 1933 г., Барсуков вместе со своими коллегами успел представить самый полный план издания документов по истории Первой мировой войны. Этот план относится к декабрю 1931 г., и ему не было суждено осуществиться²⁰, хотя к началу 1930-х гг. не только в ведущих странах Западной Европы, но и в США уже появились фундаментальные публикаторские серии, которые создали наглядную картину первенства стран Антанты в событиях войны, но отнюдь не России. Самым же важным являлось то, что эти зарубежные серии способствовали быстрому усвоению опыта недавней войны, что было продемонстрировано меньше чем через 10 лет.

(окончание следует)

Примечания

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 18–18 об.

² Первым этапом генерал считал временной промежуток с 15 июля до 15 ноября 1914 г. – от начала до падения наступательной способности армии; вторым – до окончания отступления из Царства Польского и устройства ее на оборонительной линии внутри России – с 15 ноября 1914 г. по октябрь 1915 г.; третьим – позиционную войну с октября 1915 г. по февраль 1917 г. с переходом в наступление Юго-Западного фронта и Кавказской армии; четвертым – с начала Февральской революции и до Брестского мира – с 28 февраля 1917 г. по 3 марта 1918 г. и т. д.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 30–30 об.

⁵ Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт. Вып. 1–2. 1918–1919; Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 1–4. М., 1919–1920; Стратегический очерк мировой войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922; *Зайончковский А.М.* Мировая война

1914–1918 гг. М., 1923; *Свечин А.А.* История военного искусства: В 3 ч. М.; Л., 1922–1923; *Сытин П.* Разведывательная служба. М., 1925; *Барсуков Е.З.* Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. 216 с.; *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море / Предисл. М. Павловича. М.; Л.: Госвоениздат, 1926; и др.

⁶ *Свечин А.А.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. В 7 т. М., 1920–1923.

⁷ *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 170–189, 204–216.

⁸ Материалы этой Комиссии, начиная с конца 1920-х годов, сохранились в РГВА (ф. 39352. 99 ед. хр.).

⁹ После Великой Отечественной войны, с 1946 г., он был преобразован в Военно-историческое управление (1946–1953 гг.), затем в Военно-исторический отдел (1953–1972 гг.), однако после 1945 г. опыт Первой мировой стал неактуален.

¹⁰ В официальной биографии будущего маршала А.И. Егорова (звание присвоено в 1935 г.; 1883 – февраль 1939 гг.) указывается, что начальником Штаба РККА он являлся с июня 1931 по сентябрь 1935 г.

¹¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

¹² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 172. Л. 177, 180.

¹³ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2002. С. 19, 25.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 300. Л. 1–2.

¹⁵ Записки секции по изучению проблем войны. Т. 1. М., 1930; Т. 2–4. М., 1931.

¹⁶ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 311. Л. 3, 84.

¹⁷ АРАН. Ф. 375. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 56–57.

¹⁹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 61–65.